

ПРЕДАННЫЙ МЕЛОДИИ

Он никогда не мечтал быть дирижером. Он просто любил музыку. Первый раз она по-настоящему потрясла его 50 лет назад.

В городе Краснодаре казачий симфонический оркестр давал концерт. Это событие. Родители, взяв с собой сына, и не думали, что этот вечер решит судьбу маленького Юры. Они были удивлены, когда он, непоседа, открыв рот, ловил каждый звук, летевший со сцены. Первая его мысль после концерта: достать скрипку и играть, играть... Как играли только что. Он измучил родителей своими просьбами, и скрипку купили.

Когда смычок прошел по струнам, собака во дворе жалобно завyla, кто-то заглянул в дверь узнать, что случилось, а отец улыбулся и проворчал: «Вот уж не думал, что такой нежный инструмент может так скрежетать». Таков был первый звук.

И, наверное, хорошо, что он был таким душе-раздирающим, ибо домашние, видя беспредельную любовь сына к этому инструменту и не желая больше сходить с ума от подобной игры, пригласили в дом педагога. Так в семье Силантьевых частым гостем стал местный скрипач, воспитанник Петербургской консерватории Михаил Давыдович Керцман.

В 1935 году, окончив десятилетку, Силантьев едет в Москву поступать в консерваторию. Обычно туда брали после окончания специальной музыкальной школы. Но было сделано исключение. Он с блеском сдает все экзамены, и его зачисляют на первый курс консерватории по классу скрипки. Можно сказать, что здесь ему страшно повезло. Его учителем стал замечательный педагог скрипач А. И. Ямпольский.

Как вспоминает Юрий Васильевич, занятия были для него радостью. Сам же педагог говорил своим коллегам: «Быть этому парню на золотой доске». А увидеть свое имя на золотой доске рядом с именами Рахманинова, Скрябина... — это высшая оценка студента консерватории.

Слова знаменитого скрипача оказались пророческими. В Малом зале, в фойе, вы найдете на мраморной доске высеченную золотыми буквами фамилию: Силантьев.

Казалось, что все в высшей степени удачно. Жизнь прекрасна. Выбор сделан правильно. Но — война...

В осажденном Ленинграде молодой музыкант играл в составе симфонического оркестра, ансамбля Центрального клуба им. Дзержинского. Это была его первая творческая командировка. Четыре месяца работы с утра до позднего вечера. Днем — госпитали, войсковые части, вечером — клуб-

ные площадки. Голод. В помещениях холодно, стынут пальцы. Но музыка рвется в зал.

Как-то в одной из частей должен был состояться концерт. К Силантьеву подошел администратор: «Дирижеров не хватает. У вас в консерватории преподавали это дело, так что давай. Концерт должен быть». Вот так, совершенно неожиданно для себя скрипач Силантьев стал дирижером симфонического оркестра.

С тех пор прошло много зим, много весен. Много труда было положено для того, чтобы стать тем кем он есть сейчас. Сегодня этого человека знает почти каждый. Ни один фестиваль музыки не обходится без участия эстрадно-симфонического оркестра Всесоюзного радио и телевидения под управлением Юрия Силантьева.

А ведь он себя для эстрады никогда не готовил. Много лет работал концертмейстером и дирижером больших и малых симфонических оркестров. Потом его пригласили на радио, в коллектив, который назывался эстрадно-симфонический и который занимался не только песней, но и крупными музыкальными формами: ораториальной, оперной, оперетной и симфонической...

— Юрий Васильевич, вы слушали очень многих эстрадных певцов как сегодняшнего дня, так и вчерашнего. Нет секрета в том, что люди старшего поколения иногда говорят: мол, в наше время и певцы были, и музыка, а сейчас...

— Я с этим не согласен. Хотя я сам «старшего» поколения, тем не менее считаю, что у нас отличная эстрада и очень много талантливой молодежи. Ну, вы же сами знаете: есть у нас великолепные певцы. И разве Кобзон — старик? А Магомаев? Разве Хиль или Вуячич — плохие певцы? А совсем молодые: Сметанников из Саратова, Кучинский из Минска, Богачников из Волгограда! В Киеве масса хороших певцов. Это же все молодежь. А Ротару, Толкунова... Я просто не могу всех назвать. Может быть, их еще маловато для такой громадной страны,

как наша. Но это уже другой вопрос. Если мы, например, сравним с Венгрией, где очень много эстрадных певцов, то для нее такого количества исполнителей хватает с избытком, а для нас — явно недостаточно. Вот тут есть пробел, и его нужно обязательно восполнить.

— Что вы цените в солисте больше всего?

— Любовь к своему делу. Любовь к песне, а также четкий, ясный замысел исполнителя. И что самое главное — четкое, ясное воплощение этого замысла.

— Перед вами новая партитура. Что вы в ней ищете прежде всего?

— Мой поиск разбивается как бы на две части: первая — раскрыть концепцию или замысел автора в данной партитуре и второе — раскрыть все технические возможности исполнителя. Я имею в виду музыкантов. Обратит внимание на все детали, ибо даже кажущиеся мелочи в любом произведении играют большую роль. Вот тут-то и начинается самая обыкновенная, повседневная работа. Это — следить, чтобы музыканты точно играли. Если там написано три пиано, так надо добиться, чтобы играли три пиано. То есть, чтобы эта «технология» была полностью отработана. Все остальное — уже вопрос таланта оркестра и дирижера. Но я хочу сказать, что в оркестре, которым руковожу, собрались замечательные, талантливые люди.

— А так ли уж необходим дирижер? Неужели оркестр, где сидят грамотные музыканты, не может без него обойтись? Ведь в тридцатых годах существовал такой симфонический ансамбль — Персимфанс, который играл самостоятельно. И что самое интересное, музыканты работали в разных местах. Кто в Большом театре, кто в оркестре филармонии. Они просто собирались и играли...

— В чем была сила Персимфанса? Каждый музыкант чувствовал грандиозную ответственность. Он играл, как ему казалось, наилучшим образом. Один дирижер не навязывает, а другой диктует. А тут музицируешь, как считаешь нужным. Это не значит, что можно играть все, что взбредет в голову. Надо исходить из авторской концепции. А так как в Персимфансе были собраны одни из лучших музыкантов столицы, то, конечно, это был сильный состав!

Там каждый не полагался на то, что вот он

посмотрит на дирижера и будет играть в том ритме, который будет предложен. Нет. Музыкант обязан был внимательнейше слушать соседа. То есть, каждый музыкант, как говорил Суворов, знал «маневр каждого солдата». Поэтому их концерты были невероятно хороши и интересны.

Конечно, если говорить о таком объединении, то его нельзя не приветствовать. Но сама жизнь показала, что этот коллектив не жизнеспособен. Он ведь строился на энтузиазме. А жизнь так устроена, что бывают колоссальные взлеты, потом какая-то ее часть равная. Вот этого «равно» они, наверное, и не выдержали.

— Что у вас было самым знаменательным в 1973 году?

— Главное, было очень много хороших и интересных концертов, которые идут под рубрикой «Авторские концерты советских композиторов». Они проходили на большом творческом подъеме, очень интересно. За два отделения телезрители и зрители, сидящие в зале, могли в полной мере познакомиться с творчеством того или иного композитора.

Мы также были участниками двух фестивалей. Один проходил в Минске — фестиваль комсомольской и молодежной песни, а другой — в Берлине. Во Всемирном форуме молодежи и студентов наш оркестр принимал самое активное участие.

— А в личной жизни?

— Личное с общественным у меня обычно не расходится... Вы знаете, мне пора идти. Сейчас начнется запись.

В большой студии музыканты ставили пюпитры, двигали стульями, настраивали инструменты. Юрий Васильевич подошел к пульту, постукал дирижерской палочкой, и моментально наступила тишина.

— Пишем вальс «Москвичка» Бабаджаняна.

Из динамика послышался голос: «Все готово. Мотор». Силантьев поднял руки... Секунда, вторая... Первыми вступили скрипки. Звук был чистый, нежный, мягкий и какой-то воздушный. Было видно, что дирижер доволен.

А за стеклом аппаратной стоял Бабаджанян. Он так волновался, что у него на лбу выступили капельки пота. Его понять можно. От того человека за дирижерским пультом зависела судьба песни.

Ю. ФИЛИНОВ.

Фото В. КАТАЕВА.